

УДК: 81'373.612

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ДЕРИВАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ*И. В. Евсеева***CONCEPTUALIZING OF HUMAN'S EXPERIENCE THROUGH DERIVATIONAL UNITS***I. V. Evseeva*

В статье раскрывается сущность единиц деривации, участвующих в процессе концептуализации знания и заключающих в себе опыт человека. Современная теория языковой концептуализации в рамках когнитивного направления дала толчок к рассмотрению деривационных единиц как концептуальных структур фреймового типа. Деривационные единицы, с одной стороны, предстают как категории, ориентированные на порождение знания по определенному образцу – производные слова, словообразовательные типы, с другой стороны, являются категориями, в которых хранится уже созданное знание – лексико-словообразовательные гнезда.

In this paper the essence of derivation units, involved in process of knowledge conceptualization and embodying human experience in itself, is revealed. The modern theory of linguistic conceptualization within the framework of cognitive direction gave a rise to consideration of derivational units as framing type conceptual structures. On the one hand, derivational units appear as categories focused on generation of knowledge of a particular model – derivative words, derivational types, on the other hand are the categories which contain an already-created knowledge – lexical-derivational nests.

Ключевые слова: концептуализация знания, лексико-словообразовательное гнездо, производное слово, словообразовательный тип, метод фреймового пропозиционально-семантического моделирования.

Keywords: conceptualization of a knowledge, lexical-derivational nest, derivative word, derivational type, method of framing propositional-semantic modeling.

1. Постановка проблемы. В настоящее время в самом центре лингвистических исследований находятся разнообразные вопросы изучения смысловой стороны языка, такие, как анализ семантической структуры его единиц, способов номинации и семантической деривации. Кроме того, внимание лингвистов, опирающихся в своих работах на когнитивные методы и приемы исследования, направлено на системное описание и объяснение процессов и инструментов усвоения и использования языка в жизнедеятельности человека.

Когнитивное направление исследования меняет традиционное представление о языке, как «вещи в себе». Взгляд на язык, с точки зрения когнитивного подхода, характеризуется безусловной антропоцентричностью, т. к. требует описания семантики языковых единиц от всей суммы знаний, полученных в ходе познавательной деятельности человека. Характерной чертой когнитивной лингвистики является в настоящее время не выделение нового предмета или процедур исследования, а методологическая установка – на первый план выходит идея объяснения языковых фактов.

Наиболее конкретное определение когнитивного направления в лингвистике, на наш взгляд, дают Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков, которые говорят о том, что в центре данного направления находится язык как общий когнитивный механизм и когнитивный инструмент, как «система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [12, с. 53]. Это определение вполне отвечает пониманию основной задачи когнитивной лингвистики одним из ее основателей Дж. Лакоффом, который писал, что если считать, что язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир, то необходима теория

языка, отражающая этот опыт [13]. В лингвокогнитивных исследованиях знание является особым объектом, выявляемым в языке культуры, поскольку в ценностно-коммуникативных системах, организующих сознательную деятельность человека, знание играет ведущую роль [1]. Лингвистов интересует то, каким образом хранится знание, как оно передается, каковы правила и процедуры его передачи, и какую языковую или, шире, знаковую форму может иметь передаваемое знание.

Словообразование (дериватология) – это тот раздел языкознания, который наиболее ярко демонстрирует механизмы категоризации и концептуализации как на уровне реальных лексических единиц – производных слов, так и метаязыковых структур – комплексных единиц – разнообразных объединений производных слов. В связи с этим, в рамках предлагаемой работы поставлена задача – раскрыть сущность единиц деривации, участвующих в процессе концептуализации знания и заключающих в себе опыт человека.

2. Категоризация и концептуализация – важнейшие практические инструменты познания мира. В 90-е годы XX века российская лингвистическая мысль сталкивается с необходимостью ввести термин, который бы со всей полнотой описывал содержательную сторону языкового знака и «снял бы функциональную ограниченность традиционных значений и смысла и в котором органически слились логико-психологические и языковедческие категории» [5, с. 7]. Наиболее жизнеспособным из предлагаемых терминов («концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема») оказался «концепт».

В современной лингвистике выделяется множество подходов к изучению концептов, которые учеными сводятся к двум основным взаимодополнительным типам: лингвокогнитивным и лингвокультурологическим. Лингвисты при изучении концептов неизбежно фиксируют внимание на их языковых и речевых проявлениях. Именно проблема концептуализации видится одной из основных в когнитологии, точнее, – каким образом тот или иной концепт представлен в сознании человека. Важность ее решения предопределена тем, что человек познает мир через исчисление и классификацию представляющих мир элементов. По мнению Э. Кассирера, «классификация – фундаментальная черта человеческой речи. Сам акт деноминации зависит от процесса классификации. Дать имя предмету или действию – значит отнести его к некоторому классу понятий» [9, с. 596].

В науке вообще и в лингвистике в частности проблема категоризации объектов далеко не нова (обзор работ, касающихся вопроса категоризации опубликован нами в [7]). Она интересует исследователей со времен Аристотеля, но в разные временные периоды всегда решалась с точки зрения той научной парадигмы, к которой принадлежал конкретный ученый.

Современные точки зрения ориентированы на рассмотрение категоризации как важнейшего практического инструмента познания мира и человека, на то, что человек мыслит понятиями, комбинируя и осуществляя в их рамках глубинные предикации, и формирует новые классы в процессе мышления. Мышление же, в свою очередь, есть «оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания» [14, с. 3]. Уже традиционным считается то, что «главная роль, которую играют концепты в мышлении, – это именно категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы» [4, с. 16]. Когнитивная лингвистика, занимаясь системным описанием разных видов знания и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, изучает принципы структурирования этих механизмов и исследует структуры языка как ментальные процессы, как факты концептуализации и категоризации человеческого опыта.

3. Деривационные единицы. Механизмы категоризации и концептуализации находят непосредственное отражение при характеристике деривационных единиц – простых (производное слово) и комплексных (словообразовательный тип, словообразовательная категория и лексико-словообразовательное гнездо). Комплексные единицы в рамках когнитивного направления определяются нами как имеющие не одну, а две основные функции: они трактуются не только как структуры, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как знания, порождающие концептуальный и языковой мир.

3.1. Производное слово. Производное слово, являющееся центральной единицей словообразовательной системы, оценивается сегодня как «единица хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» [11, с. 56]. Для языковых, в частности, деривационных, категорий в рамках когнитивного подхода наиболее важной задачей предстает установление закономерностей категоризации и концептуализации действительности человеческим мышлением, выявление глубинных структур знания, заложенных в сознании человека, и конкретных реализаций этих структур на каждом языковом уровне, описание особенностей их функционирования. При характеристике всех этих процессов существенным является учет фактора субъективности восприятия мира, признание того, что при анализе и таксономии языковых единиц важно опираться не на логические, а на естественные категории, обусловленные опытом взаимодействия человека с окружающей средой и его мыслительными способностями.

А. А. Потебня, вслед за В. Гумбольдтом, признает, что «язык не есть нечто готовое и обозримое в целом; он вечно создается, притом так, что законы, по которым он создается, определены, а объем и даже род произведения остаются неопределенными» [15, с. 15]. Действительно, словарь языка постоянно изменяется: одни единицы уходят из употребления, другие – новые – занимают свое место в языке. Образование производных слов, которых в русском языке до 75 – 80 % от общего лексического фонда, происходит, как правило, по определенным правилам и моделям, но область применения правил и продуктивность моделей вовсе не одинакова.

Когнитивное направление в лингвистике ориентировано на рассмотрение производного слова с синтаксических позиций. Принимая во внимание положение в отечественной лингвистике, повидимому, впервые сформулированное акад. Н. Д. Арутюновой [3], согласно которому предложение и слово строятся по одинаковым глубинным образцам – пропозициональным структурам, а на их основе организуются пропозиции, под пропозициональными структурами слов понимаем пропозициональные, или структурно-логические, схемы, а конкретные реализации этих схем называем пропозициями.

Основным («вершинным») элементом пропозициональной структуры и пропозиции является предикация, то есть предикат (чаще всего глагол) и его основные распространители (актанты). Например: слово *конюх* ‘человек, который ухаживает за конями’ соотносится с пропозицией ‘лицо, ухаживающее за животными’, которая является реализацией пропозициональной структуры «субъект – предикат – объект». Эта же пропозициональная структура лежит в основе, например, дериватов *травник* ‘человек, собирающий целебные травы’, *телятница* ‘женщина, ухаживающая за телятами’ и мн. др. Иными словами, эти дериваты опираются на одну пропозициональную структуру, но разные пропозиции: ‘лицо, собирающее что-либо’ – *травник* (ср.

также *грибник*, *ягодница* и др.), 'лицо, ухаживающее за животными' – *телятница* (ср.: *конюх*, *скотник*, *птичница* и др.). Реализация пропозициональных структур на семантическом уровне наглядно демонстрирует индивидуальность каждого производного слова, которые создаются по абстрактным моделям – пропозициям и пропозициональным схемам.

Виды словообразовательной семантики – от предельно абстрактного (например, 'предмет, названный по предмету') до предельно конкретного ('тарелка, предназначенная для подачи на стол сельдки (или другой рыбы)' – *селёdochница*) были выделены Л. А. Араевой [2] посредством анализа, обобщения и систематизации имеющихся ранее исследований. По сути, это одно из пионерских исследований, в котором, вслед за М. Н. Янценовой, лингвист обосновывает значимость такого уровня словообразовательной семантики, как словообразовательно-пропозициональное значение производного слова. Возможность выделения разных видов словообразовательного значения у каждого деривата, а также способность производных слов объединяться на уровне тождественных по семантике видов, говорит об участии этих единиц в процессе категоризации знания.

3.2. Комплексные единицы дериватологии.

На наш взгляд, на раскрытие механизмов порождения и хранения знаний о мире направлены такие комплексные единицы дериватологии, как словообразовательный тип и лексико-словообразовательное гнездо.

В границах словообразовательных типов происходит процесс образования производных слов, что отражает особенности мыслительной деятельности человека называть новые явления по аналогии с имеющимися в языке наименованиями, образованными в рамках определенных моделей. Большинство лингвистов отводят словообразовательным типам главную деривационную роль по той важной причине, что новые производные слова образуются именно в пределах типа – по аналогии с дериватами, которые уже давно вошли в данный тип. При создании нового слова, а также воспроизведении уже известного, говорящий опирается на знакомую ему модель, которая является, по сути, ключом к образованию слов. По мнению Н. В. Крушевского, «всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или, другими словами, всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [10, с. 145].

Когнитивная сущность лексико-словообразовательных гнезд объясняется тем, что гнезда – наиболее удобные хранилища дериватов, объединенных по общности корня. Потенции, заложенные в корне слова, заметнее всего прослеживаются именно в гнезде: дериваты, группируясь вокруг базового слова, вбирают в себя частично или полностью семан-

тику этого базового слова. Производные слова, занимая в гнездах свою ячейку, в нужный момент без труда извлекаются говорящими.

Таким образом, словообразовательный тип предстает как комплексная метаязыковая единица, ориентированная на порождение знания по определенному образцу, по аналогии, а словообразовательное гнездо как комплексная метаязыковая единица хранения уже созданного знания.

Производные слова, наполняющие словообразовательные типы и гнезда по особым правилам, формируют из комплексных единиц концептуальные структуры фреймового типа, в которых все дериваты взаимосвязаны. Т. Л. Ван Дейк, разрабатывая теорию фреймов, считает эти единицы знания «организованными «вокруг» некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» [6, с. 16]. То есть деривационные единицы представляют собой один из способов формирования концепта в языке. События, стоящие за значениями производных слов одного словообразовательного типа или гнезда, логично связываются друг с другом, образуя тем самым цепочку последовательных соединений.

Использование таких понятий, как «фрейм», «пропозициональная структура и пропозиция» для анализа единиц словообразования, дает возможность рассматривать их как иерархически организованные структуры знаний, как способы и места хранения информации, заключенной в базовом и производном словах. Именно такие комплексные единицы, как словообразовательный тип и гнездо, на наш взгляд, в большей степени когнитивны, именно они позволяют вскрыть механизмы порождения и хранения знаний о мире.

Фреймовая пропозиционально-семантическая организация фрагмента словообразовательного типа «основа существительного + формант *-ниц(а)*», в границах которого взаимодействуют мотивирующие и мотивированные слова, показана нами в [8] на материале дериватов, образованных от соматизмов. В данной статье продемонстрируем фреймовую пропозиционально-семантическую организацию лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «рука» (далее – ЛСГ «рука») на уровне лингвистического макроконструкта. Под лингвистическим макроконструктом мы понимаем совокупность всех дериватов, всех лексико-семантических вариантов полисемичных производных слов, образованных от одного базового слова, которые существуют в современном русском национальном языке. Тем самым мы объединяем деривационные единицы литературного и диалектного языков, а также возможные просторечия, жаргоны, арготизмы и т. п. Лингвистический макроконструкт является собой потенциаль-

ную модель, элементы которой (с той или иной степенью полноты) реально существуют в некоторой территориальной или социальной подсистеме языка.

Слово *рука* в русском языке имеет 7 значений (дадим описание этих значений по словарям): 1. Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев. *Правая рука*. 2. Перен. – почерк, подпись. *Неразборчивая рука*. 3. Разг. – сторона, направление. *По правую руку от кого-чего-н.* (справа). 4. Перен. – человек, обладающий властью, влиянием, способный оказать протекцию. *Своя рука в министрстве*. 5. Разг. – тот или иной вид, сорт, качество. *Товар средней руки*. 6. Перен. – индивидуальная, характерная манера, почерк. *Видна умелая рука мастера*. 7. Посредством кого, с помощью кого. *Действовать руками наемников* [16, с. 842 – 843].

В «Словообразовательном словаре русского языка» (1985 г.) в качестве самостоятельных выделены словообразовательные гнезда с этимологически родственными вершинами *рука*, *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить*. Даже самый поверхностный анализ семантики этих слов и в самом деле позволяет говорить о том, что в современном русском языке они формируют самостоятельные гнезда: с соматическим объектом *рука* как частью человеческого тела единицы *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить*, непосредственно не связаны. Ср. *ручаться* ‘принимать на себя ответственность за кого-, что-нибудь’, *руководить* ‘направлять чью-нибудь деятельность’, *рукопашный* ‘о бое, схватке: производимый холодным оружием, штыками, прикладами’, *поручить* ‘вверить, возложить на кого-, что-нибудь исполнение чего-нибудь, заботу о ком-, чем-нибудь’ [16].

Нас в данном исследовании далее будут интересовать только дериваты, образованные от соматического объекта *рука*, то есть рассматриваемом в значении ‘одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев’.

Лексико-словообразовательные значения дериватов, организующих ЛСГ «рука», отражают языковые знания, онтологически значимые для человека. Покажем, каким образом возникают логические связи пропозиций (ниже выделены подчеркиванием), на основе которых строятся дериваты (их указываем в скобках, цифровым индексом 1, 2, 3 ... фиксируются многозначные дериваты).

Рука значима для человека прежде всего как инструмент, а потому в русском языке представлены имена людей, делающих, изготавливающих что-то руками (*рукодѣль*, *рукодѣльница*, *рукодѣльник*, *рукодѣлец*, *рукодѣл*, *ручнѣст*, *ручница 1*, *рукави́чник*). Эти слова имеют положительные коннотации в противовес *белоручке* – человеку, избегающему работы, не привыкшему к труду. В языке зафиксированы также дериваты, называющие действие, производимое руками (*рукодѣльничать*, *рукодѣлить*), процесс, производимый руками (*рукодѣлие*, *рукомѣсло*), вещи, изготовленные руками (*рукодѣльство*,

рукодѣльщина, *рукодѣлие*, *рукодѣль* – ‘шитье, вязание, вышивка и под.’), нечто, сделанное /написанное руками – кустарным способом (*рукотворный*, *вручную*, *рукомѣслом*, *рукодѣльный*, *рукодѣлливый*, *ручной*, *рукописный*).

Есть в языке и слова, которые называют людей, подписывающих какой-либо документ за неграмотного (*рукоприкладчик*, *ручник 1*); к ним примыкают дериваты, обозначающие действие, производимое руками (*заручить*, *рукоприкладствовать* ‘подписаться за неграмотного’) или процесс, названный по действию (*рукоприкладство*).

Поименованы также люди, участвующие в заключении сделки (*рукобѣтчик*), а также процесс хлопанья друг друга рукой по руке в знак взаимного согласия при заключении сделки, соглашения (*запоручки*).

Кроме того, получили особые имена люди, участвующие в процессе обручения (*обручальщик* ‘друг жениха’, *обручница* ‘невеста’), действия, производимые руками, которые способствуют процессу обручения и сопровождают его (*ручить*, *запоручить* ‘уговорить невесту дать руку на согласие ее выдать замуж’), действие, направленное на руку (ее часть) как на функционально выделенное место (*обручить* ‘совершить помолвку, во время которой жениху и невесте надевают кольца на руку, на безымянный палец руки’), действие, названное по глаголу обручить (*обручиться* ‘обменяться кольцами’), процесс, названный по действию, направленному на руки (*обручение*, *обрученье* ‘обмен кольцами’), процесс завершения сватовства (*рукобѣтье*, ср.: ‘Все кладут руки – одна на другую. Первым кладет руку женихов отец, вторым – отец невесты, потом – женихова мать и на ее руку – мать невесты. Родные их раскидывают. Наверх всех рук кладут руки крестные. Когда руки кладут, все гости стоят. Все это должно было означать крепость и обязательность выполнения договора. После «рукобѣтия» невеста считалась просватанной’’. Словари и энциклопедии на Академике: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/139506>). Эта группа слов связана с атрибутом кольца, которое надевают во время обручения (*обручальный*).

Называют также людей, находящихся под рукой у кого-то (то есть рядом), ср. *сподручник* ‘помощник’, действие, отражающее нахождение рядом кого-либо, ср. *сподручничать*, а также признак, связанный с нахождением /ненахождением рядом – *подручный* ‘о вещи, находящейся поблизости – на расстоянии вытянутой руки’, *подручный*, *сподручный*, *сручный*, *несподручный* ‘о человеке, помогающем в каком-либо деле’.

Люди, вручающие что-либо, именуются *вручитель* и *вручительница*, действие, производимое руками, обозначается глаголом *вручить*, а действие, названное по этому глаголу – *вручение*.

Название получили также люди, страдающие (болеющие) чем-либо – *рукоблудник*, *рукоблудница*. К этим словам примыкают единицы, называющие действие, производимое руками – *рукоблудничать*

‘заниматься онанизмом’) и процесс – онанизм – *рукоблудие*.

Людей, сующих руки куда попало, трогающих, хватающих что-либо без разрешения называют (*рукосуйка, рукосуйник, рукосуйница, рукосуйник, рукосуй*). От этих слов образуются дериваты, называющие соответствующее действие, производимое руками (*рукосуеть*).

Кроме названных действий, выделяются также и другие действия, более специализированные, тоже производимые руками (*рукоплескать* ‘аплодировать’, *рукополагать* ‘посвящать в духовный сан возложением руки епископа на голову посвящаемого’, *рукоприкладствовать* ‘бить’, *поручаться* ‘поздороваться’, *обезручить*); процессы, называемые по этим действиям (*рукоплескание, рукоположение, рукоприкладство*) или процесс – пожатие руки в знак приветствия (*рукопожатие, рукожатие*), процесс, связанный с писанием рукой (*рукописание*). К последнему слову прикрепляются дериваты, называющие разного вида текст, написанный руками (*рукописание 1* ‘церковная грамота с портретами святых, которую вкладывают в руки покойнику’, *рукописание 2* ‘любой текст’, *рукопись 1* ‘текст произведения, написанный автором от руки или переписанный на пишущей машинке’, *рукопись 2* ‘памятник письменности’).

Ряд действий именуется по признаку (*приручить, приручать, приручить, приручить, ручнеть*) и по действию (*приручиться, приручаться, приручиться* ‘стать ручным, привыкнуть к человеку’). Кроме того, по действию называют такой процесс, как приручение.

По руке называют одежду, покрывающую часть руки, ср. рукавица ‘одежда на кисть руки с отделением для большого пальца’, *рукавичка, рукавочки*, нечто, относящееся к рукавице или принадлежащее рукавице (*рукавичный*), часть одежды, частично или полностью покрывающую руку (*рукав 1, рукавчик, рукавец 2*), что-либо, относящееся к рукаву (*рукавный 1*) или предназначенное для рукава (*рукавный 2* ‘для шитья рукавов, рукавный материал’). По наличию / отсутствию рукавов называют часть одежды (*рукава, рукава 2* ‘верхняя часть женской сорочки с длинными рукавами, сшитая из тонкой ткани’), одежду (*безрукавка* ‘кафтан’, *рукава 1* ‘кофточка’, *безрукавник* ‘жилетка’, *рукавное* собир. ‘народная женская одежда – сарафаны и под.’). Значимыми для человека являются прилагательные, именующие некий объект (обычно одежду или ее часть), не имеющий рукавов (*безрукавный*) или находящийся на / под рукавом (*подрукавный* ‘с изнанки рукава’, *нарукавный*).

Словом *рукав* в результате метафорического стали называть также ответвление от главного русла реки (*рукав 2*), трубу или кишку для отвода жидкостей, газов, сыпучих тел (*рукав 3*), рыболовный снаряд в виде плетеной из прутьев продолговатой корзины (*рукав 4*).

В русском языке имеется целый ряд имен различных приспособлений, тем или иным способом

связанных с руками. Это, например, приспособления, предназначенные для мытья рук (*рукомойник, рукомойка, рукомой, рукомойник* ‘сосуд различной формы, служащий для подачи воды при умывании’), для вытирания рук (*рукотёрка, рукотёр, рукотёнце, рукотейник, рукотельник, рукотёрник, рукотёрник, ручник, рушник, рукотёрт, рушник, рчник, рукотёрок, рукавишник* – ‘полотенце или тряпка’), для защиты рук (*рукавки* ‘кожаные рукавицы’, *поруки* ‘в Др. Руси – часть брони или лат, защищавшая руки от локтя до колена’), приспособления, названные по руке, точнее, по ее нормальному размеру, ср. ручница 2 ‘мушкет, ручная пушка с фитильным замком длиной с руку (22 – 24 см.)’ или *ручница 3* ‘ружье’, а также приспособления, названные по части того же приспособления (*ручонка 1* ‘небольшое деревянное ведро с крышкой, на которой крепится деревянная ручка, запирающаяся палочкой’), приспособления, при помощи которых действуют рукой как средством (*ручник* ‘стальной молоток для работы одной рукой’, *ручка 1* ‘письменная принадлежность’), приспособления, за которые держатся / берутся / опираются рукой (*поручень 1* ‘стержень, брус, ремешок, за который держатся рукой при подъеме или спуске’, *рукоятка 1* ‘ручка оружия, инструмента’, *рукоятка 2* ‘часть механизма’, *ручка 2* ‘часть предмета’, *рукоятка* ‘деревянная ручка двери’, *подручник 1* ‘небольшая подушка или низкая скамеечка, о которые опираются руками, когда бьют поклоны во время молитвы’, *поручень 2, ручка 3* ‘часть кресла, дивана и под.’), приспособления, находящиеся под руками (*подручник* ‘железный подсвечник’) и надеваемые на руку (*наручники* ‘металлические кольца, соединенные цепочкой’, *поручень 3* ‘наручные кандалы’, *поручни*). Есть также объекты, надеваемые на часть одежды, покрывающей руку. Их семантика, как и во многих других случаях, отмеченных выше, может быть весьма специализированной, ср. дериваты *нарукавник 1* ‘коротенькая кофточка с рукавами в обтяжку, надеваемая во время жатвы трепки льна, чтобы не секло рук’, *нарукавник 2*, а также *зарукавник* ‘чехол, надеваемый на рукав от кисти до локтя руки для предохранения от загрязнения’, *рукавец 1* ‘холщевый рукав, надеваемый во время жатвы на рукав для предохранения рубашки от порчи’, *поруки* ‘парчовые нарукавники – часть церковного облачения’, *рукавчик, зарукавье 1* ‘манжета, прикрепляемая на рукав платья и под. для украшения’, *зарукавье 2* ‘старинный браслет, надеваемый на рукав’).

Важным для человека оказалось именовать руку, указывая на её размер (*ручка 4, ручища, ручища*), называя руку, давая субъективную оценку руке (*ручонка 2, рученька*), называть что-либо, надеваемое на руку (*наручный*), какие-то объекты, предназначенные для манипулирования рукой, обычно в утилитарных целях (*ручной 1* ‘для использования с помощью рук’, *ручной 2* ‘удобный для переноски в руках’, *одноручный* ‘приспособленный для работы одной рукой’).

Самое большое множество по числу дериватов в ЛСГ «рука» образуют слова, характеризующие человека в связи с его руками, ср. *рукастый 1* 'с длинными руками', *большеу́кий, рукастый 2* 'с большими руками', *косору́кий 1* 'с косою, перекошенной рукой', *безру́кий 1* 'не имеющий руки', *однору́кий, двуру́кий, многору́кий* 'имеющий одну (две, много) руку', *длиннору́кий, долгору́кий* 'с длинными руками', *короткору́кий 1* 'с короткими руками', *сухору́кий, тонкору́кий* 'с тонкими, сухими руками', *рукоде́льный, рукоде́льный* 'искусный в изготовлении чего-либо', *рукосу́ливый* 'непоседливый, неугомонный, все трогает руками', *левору́кий 1* 'пишущий левой рукой', *голору́кий, голору́ком, голору́чью, голору́чем, голору́чь* 'без рукавиц'. Существует много прилагательных, характеризующих человека по его действию руками (*воберу́к* 'обеими руками', *голору́кий* 'с пустыми руками, ничего не нести', *голору́ком 2* 'без оружия', *безру́кий 2, короткору́кий 2, кривору́кий, косору́кий 2* 'неловкий, неумелый в работе', *рукастый 3* 'ловкий, умелый в работе'). Встречаются и языковые выражения признаков объекта, связанного с конкретной рукой (*левору́кий 2* 'с левосторонним управлением').

В ЛСГ «рука» выделяется имя класса животных, крылья которых соотносятся с руками – *рукокры́лые* 'отряд млекопитающих'.

Лексико-словообразовательные значения, связанные между собой и наличием общих смысловых компонентов, и логической связью, демонстрируют фреймовую организацию конкретного тематического объединения. Подобную упорядоченность лексико-словообразовательных значений дериватов мы считаем важной как для лексикографической теории, так и для практики составления словарей. В «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И. А. Ширшова (2004 г.) производные слова в гнезде даются в алфавитном порядке. Мы предлагаем другой способ подачи производных единиц, а именно – включать их в словарную статью с учетом отражения последовательности семантико-словообразовательных связей. Такой способ подачи в пределах каждого гнезда, как кажется, более точно будет отражать соответствующий логически выстроенный и упорядоченный фрагмент языковой картины мира.

4. Подведение итога. Производные слова, являясь когнитивными единицами, заключающими в себе определенное знание о мире, объединяются в комплексные структуры. Эти комплексные единицы, в свою очередь, с одной стороны, предстают как категории, ориентированные на порождение знания по определенному образцу, по аналогии – словообразовательные типы, с другой стороны, являются категориями, в которых хранится уже созданное знание – словообразовательные гнезда.

Современная теория языковой концептуализации в рамках когнитивного направления дала толчок к рассмотрению деривационных единиц как концептуальных структур фреймового типа. Теория фрей-

мовой пропозиционально-семантической организации комплексных единиц деривации, общая методика и инструментарий ее обнаружения применимы не только к словообразовательному типу, но и к другой важной комплексной единице словообразования, – к лексико-словообразовательному гнезду.

Выделенные значения производных слов, входящих в гнездо, образуют сложную и достаточно разветвленную семантическую сеть (семантический граф). Эти значения подчиняются определенной логике, когда в логической последовательности одни значения обусловливают появление других. Так строится в динамике и так выглядит в статике эта семантическая сеть. В ней, по мере построения, все значения производных слов, образованных от одной мотивирующей единицы, соединяются и связываются определенными, чаще разными, смысловыми связями. Спектр значений, таким образом, предстает в результате как логически выстроенный фрагмент языковой картины мира. Разные дериваты с разными значениями вербализуют, хотя и разные, но взаимосвязанные признаки (стороны) глубинных концептов. Чем ближе в смысловом отношении друг к другу стоят концепты, скрытые за дериватами разных лексико-словообразовательных гнезд, тем ярче проявляют себя смысловые связи между дериватами из одного и другого ЛСГ.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) / Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994.
3. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976.
4. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996.
5. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье»: (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2003.
6. Дейк Ванн, Т. А. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. Дейк Ванн; пер. с англ. М. А. Дмитриевой // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М., 1989. – С. 12 – 40.
7. Евсеева, И. В. Категоризация и концептуализация знания: теоретические проблемы / И. В. Евсеева // Вестник КемГУКИ. – Кемерово, 2011. – № 16. – С. 90 – 96.
8. Евсеева, И. В. Словообразовательный тип: когнитивное моделирование / И. В. Евсеева // Вестник КрасГПУ им. В. П. Астафьева. 2011 (3). Красноярск, 2011.
9. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М.: Гардарики, 1998.

10. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М., 1998. – С. 96 – 222.
11. Кубрякова, Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 467 – 469.
12. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. – М.: МГУ, 1996.
13. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350 – 368.
14. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999.
15. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 2-х т. / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 14 – 67.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. – М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2007.